

ЭКОНОМИКА

УДК 330.8

Методология пространственно-временного анализа в историко-экономических исследованиях Фернана Броделя

Г. А. Черемисинов, К. В. Фенин

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, cheremisinov@inbox.ru

Фенин Кирилл Вячеславович, ассистент кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, fenin.kir@yandex.ru

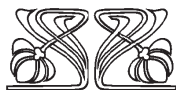
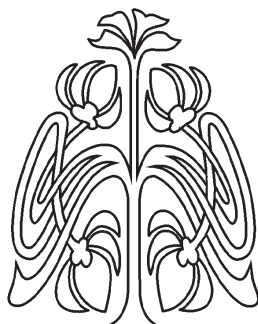
Введение. Обосновываются целесообразность и продуктивность междисциплинарного синтеза истории и географии в фундаментальных и прикладных исследованиях пространственных и временных параметров экономического развития. Объясняются особенности историко-экономических воззрений Фернана Броделя. **Теоретико-методологический анализ.** Раскрывается специфика анализа многослойного иерархически организованного экономического пространства посредством исследования экономики городов, соподчиненности элементов системы хозяйственных механизмов, социально-экономических структур в миросистемной модели международного разделения труда. Анализируется роль экономического пространства в формировании регулярных и нерегулярных циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры. **Заключение.** Методология пространственно-временного анализа позволяет исследовать динамику разделения труда и иерархию механизмов хозяйственного регулирования, секторов, отраслей экономики, макроэкономических субъектов. В концепции миросистемной модели иерархически организованному пространству в виде территориальных образований и пространственно обусловленных экономических форм, институтов и хозяйственных процессов соответствует иерархия хронологически упорядоченных временных характеристик – экономических циклов.

Ключевые слова: пространственно-временная динамика экономики, миросистемный анализ Фернана Броделя, экономические циклы.

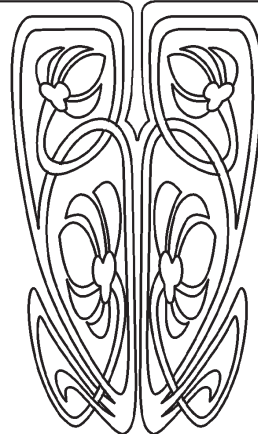
DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-4-15>

Введение

Разработка современной теории экономического развития, включающей в себя концепцию пространственно-временной динамики, позволяет изучать особенности эволюции различных экономических систем, исследовать закономерности становления иерархии разделения труда и формирования структуры социально-экономических отношений. Разработка методологии взаимосвязанного пространственно-временного моделирования экономики создает предпосылки для выстраивания целостных концепций. Продуктивным методом формирования концептуального поля теории экономического развития следует признать сочетание теоретико-методологических подходов экономической истории и экономической географии.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Весомый вклад в постановку и решение проблем пространственно-временной динамики экономики внесло направление «географическая история» или «историческая география» – так иногда определяют область научного поиска Фернана Броделя. Творчество французского историка-экономиста пополнило научную мысль совершенствованием методологии и инструментария теоретических исследований, созданием новых концепций и приращением знаний. Фундаментальные труды Ф. Броделя – трехтомники «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» – представляют собой богатый методологический кладезь экономической науки.

Историко-экономические исследования Ф. Броделя уникальны. Отдельные их фрагменты активно вовлекаются в научный оборот учеными, специализирующимися в самых разных областях знаний. Комментаторы отмечают энциклопедический охват и эклектичность творений французского историка. Его новаторство реализовалось в разработке методологии макроистории и миросистемного анализа. Междисциплинарный синтез истории и географии открыл новые возможности фундаментальных и прикладных исследований пространственных и временных характеристик экономического развития.

Однако масштабность, оригинальность и глубина теоретических работ Ф. Броделя затрудняют целостное, концептуальное осмысление его научных творений. Неординарное концептуальное видение французского ученого направлено на систематизацию фактологического материала и теоретических положений в виде структурных схем, на установление взаимосвязей между ними в форме равнозначимого взаимодействия, но гораздо чаще в форме иерархически организованного. Ключом к постижению логики дискурса исследователя оказывается понимание методологии пространственно-временного анализа, который выявляет иерархию территориальной и хронологической организации социально-экономических структур.

Теоретико-методологический анализ

В монографии «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» исследование исторических процессов Ф. Бродель начал с описания географических особенностей изучаемых территориальных образований. Порядок рассмотрения факторов социально-экономического развития показывал логику их понимания: от сравнительно стабильных условий до относительно подвижных, изменяющихся

обстоятельств. Ученый-историк описывал параметры физической географии: рельеф местности, взаимоотношения человека с окружающей средой, морские акватории, побережья и острова, границы и расстояния региональных зон, взаимодействие климата и истории. На плоскости физического пространства происходило изучение социально-экономической географии; исследовалось, как система городов, водные (морские и речные) пути сообщения, сухопутные дороги, транспортные средства формировали территориальные хозяйственные целостности [1].

Рассмотрение физической и социально-экономической географической среды служило предпосылкой объяснения закономерностей исторической эволюции различных региональных экономических систем. Ф. Бродель выделял и анализировал факторы пространственно-временной динамики экономики: пространство (расстояния и площади территориальных образований), численность и структуру потребления населения, денежные системы и ценообразование, торговлю и транспорт, социальную иерархию, цивилизацию и культуры, динамику конъюнктуры [2].

Методология исследования пространственно-временной экономической динамики получила развитие в трилогии Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.», где были обозначены предпосылки пространственно-временного членения и изучения экономической истории. Логика построения концепции разворачивалась в двух ипостасях: сначала расчленялось пространство, а затем время. Экономические реальности размещались в соответствии с их продолжительностью.

Выбор исходного пункта научного дискурса обосновывался тем, что пространство охватывает сразу все исторические реальности, обладающие территориальной протяженностью: экономики, общества, государства, культуры. Экономическое освоение легче вычлняется из прочих видов овладения пространством и более распространено [3, с. 13].

Отправной точкой исследования пространственно-временной динамики экономики служила урбанизация. Города, по мнению Ф. Броделя, – самая древняя и революционная форма разделения труда: сельских и городских видов деятельности. Ученый писал, что города – это «электрические трансформаторы», повышающие напряжение, ускоряющие обмен. Все поворотные моменты роста выражались во взрыве урбанизации. Город порождал подъем и порождался им, извлекал из него выгоду [4, с. 509].

Город всегда предполагает множество регулярных процессов и реальностей: углубление разделения труда, региональные и национальные рынки, дальние обмены, правящую власть, социальные группы. Город обеспечил всеобщее распространение рынка. Город всегда располагался во времени и в пространстве, в центре сети дальних связей с другими городами и местностями. Города формировали иерархию во всех странах мира [4, с. 509–510].

Городская жизнь была связана с разными пространствами, частично перекрывавшими друг друга. Могущественные города охватывали непомерные пространства, были орудием связей до самых дальних пределов мировой экономики, давали ей жизнь и извлекали из нее прибыль. Город в зависимости от своих размеров функционировал на изменяющемся пространстве в соответствии со своими жизненными ритмами [4, с. 532–535].

Территориальная организация экономического пространства определяла иерархию городов и расстояние между ними в зависимости от скорости и объемов перевозок. Многочисленные связанные друг с другом крупные и второстепенные города образовывали на определенное время «архипелаг городов», структура которого изменялась по мере ускорения обращения товаров, денег и людей [4, с. 536–537].

Города создали самобытную цивилизацию, распространявшую технологические инновации. Они организовали эмиссию денег, кредит, финансы, налоги, государственные займы, таможи, наладили промышленность, ремесла, торговлю на дальние расстояния, создали вексель, торговые компании и бухгалтерский учет. В городах возник образ мышления западного капитализма: совокупность правил, возможностей, расчетов, умения жить и обогащаться одновременно, жизненная установка «время – деньги». Крупные города создали современные государства и национальные рынки и были созданы ими [4, с. 544–546, 590–591].

Высказанные теоретико-методологические предпосылки исследования Ф. Бродель применял в объяснении социально-экономической истории городов, регионов, стран, мирового хозяйства, в выявлении взаимосвязанного пространственного развития урбанизации и рынков.

По мнению историка, рынок стал важным механизмом городов Западной Европы с XV в. Город жил в центре взаимосвязанных пространств (кругов): существовал круг, который снабжал город; круг пользователей его монеты, весов и мер; круг миграции новых горожан; круг кредитных операций, закупок и продаж. Город за-

нимал экономическое пространство, которое ему «жаловали» его положение и богатство, долговременная конъюнктура. Описывая географию рынков, Ф. Бродель выделял и использовал понятия: пространство фирм, пространство закупок и пространство продаж, финансовое пространство [5, с. 12, 173–177].

Закономерности развития городов и крупных региональных систем можно описывать теоретической схемой изолированного государства И. Тюнена («кольцами Тюнена»). Раскрывая методологию теоретического моделирования, Ф. Бродель в свойственной ему манере писал: «Восхитимся ... этой потребностью экономической науки выйти за пределы реального, чтобы лучше его понять. <...> Теория связана с реальностью, в той мере, в какой предложенная модель почти пуста и, ежели ... обратиться к образу испанского постоялого двора, куда приносишь с собой все, чем будешь пользоваться. <...> [В модели Тюнена] расстояние – некий „бог из машины“ – само собой описывает последовательные круги различных видов деятельности и ... нет ни местечек, ни деревень, т.е. никакой из человеческих реальностей рынка. На самом деле любое перенесение на реальный пример такой слишком упрощенной модели позволяет вновь ввести отсутствующие элементы» [3, с. 31–32].

Формирование Лондона как столицы Англии и крупнейшего центра международной хозяйственной деятельности было примером организации экономического пространства в соответствии со схемой И. Тюнена. Зона, поставленная на службу Лондону, с XVI в. проявляла тенденцию охвата всего английского пространства производства и торговли. Регионы, с которыми соприкасался Лондон, трансформировались, специализировались, коммерциализировались, что подтверждали карты плотности рыночных городов Англии с XVI в. [5, с. 25–29, 179].

Черты европейской организации рыночного пространства отчетливо просматривались и на Востоке. Карты-схемы рынков районов Китая (с решетками городов, границ основных и вторичных рынков) представляли в упрощенной форме иллюстрацию теоретических моделей «математизирующей» географии В. Кристаллера и А. Леша [5, с. 104–105].

Пространственная иерархия конкретизируется иерархией хозяйственных механизмов, обеспечивающих развитие экономики. Ф. Бродель разработал и изложил теоретическую модель иерархии многослойной системы рыночного обмена и кредитно-финансового обращения. Ученый отметил методологически важный аспект исследования, указав, что описание, анализ, сравнение, объяс-

нение означают выход за пределы исторического повествования, разрыв непрерывного времени истории. Где разрывается хронологическая непрерывность времени, оно используется в качестве средства наблюдения [5, с. 7].

Моделирование иерархии хозяйственного механизма развертывалось от простейших орудий обмена, рыночной экономики и обращения. Историко-концептуальное построение началось с локального рынка – нижней ступени экономической иерархии. Первым конкурентом периодически действовавших рынков были лавки, которые торговали почти без перерывов и «завоевывали мир» благодаря специализации, иерархии и кредиту. Выше уровня лавок оптовик предоставлял кредит розничному торговцу, оплачиваемый переводным векселем. Лавочник, живя на положении мелкого капиталиста, сам кредитовал клиентов. Существовала и способная к адаптации система торговли вразнос – способ обойти установленный порядок рынка, «надуть власти» [5, с. 45–46, 57–58, 65–66].

Рост распределения, ускорение обмена, триумф (наряду с торговлей в лавках и расширением услуг) третичного (обслуживающего) сектора экономики способствовал формированию механизмов на верхнем пределе обменов. Переход от нижнего уровня механизмов обмена к верхнему уровню означал в модели Ф. Броделя качественное изменение – противопоставление сектора рыночной экономики сектору капитализма. В зоне рыночной экономики умножались горизонтальные связи между различными рынками. Над этим слоем распространялась зона «противорынка» («антирынка») – царство изворотливости и права сильного. Именно там, как вчера, так и сегодня, располагается зона капитализма [5, с. 56, 220].

Выше рынков розничной торговли разрасталась мощная надстройка оптовой торговли, формировался уровень важнейших «приводов» экономики – «этаж», необходимый для существования капитализма. В прошлом основными орудиями торговли на дальние расстояния были ярмарки, биржи. Им содействовали банки – хранилища, накапливавшие деньги, и нотариальные конторы, заверявшие многочисленные сделки [5, с. 66–67].

Ярмарки расширяли круг обменов и мобилизовали экономику больших регионов. Каждая ярмарка в своем календарном ритме была местом заключения сделок, создания кредита, платежей и клиринговых расчетов. «Этажи» ярмарки выстраивались пирамидой: от разнообразных мелких форм активности у основания, скоропортящихся и дешевых необработанных товаров, до привозимых издалека предметов роскоши. На

вершине располагалась денежная торговля. Эволюция ярмарок усиливала преимущества кредита в сравнении с товаром, вершины пирамиды перед ее основанием [5, с. 68, 76].

Архаичную форму ярмарочных обменов сменила экономика перевалочных складов. Выгоды концентрации товаров создавали «города-склады», например Амстердам. Складское хранение товаров обуславливалось долгими циклами и нерегулярностью производства и торговли, медленной скоростью перевозок и передачи информации, рисками дальних рынков, сезонно-климатическими причинами [5, с. 83, 84].

Верхний «этаж» непрерывной ярмарки занимала биржа. Здесь встречались банкиры, торговцы, биржевые маклеры, агенты банков, комиссионеры и осуществляли товарные, вексельные, страховые и прочие операции. Это был рынок денег, финансовых инструментов и ценных бумаг [5, с. 87].

Ф. Бродель писал о соподчиненности двух видов денежного обращения. В повседневной жизни людей и государственной власти использовалась звонкая (золотая или серебряная) монета – единственная мера всех вещей. Верхний этаж занимали кредитные ценности – бумажно-денежное обращение, операции банкиров, откупщиков, негодяев. Биржи и банки обеспечивали «вторжение» бумажных денег в рыночный обмен, позволяли быстро переходить от облигаций государственных займов или акций к оплате наличными. По мнению историка, когда прошлое экономики перекликается с современностью, не нужно дополнительных объяснений. Скорый переход от бумаг к деньгам и обратно – это важнейшее преимущество фондовых бирж [5, с. 100–101, 555–556].

Модернизация торговой жизни, рост емкости рынка и объемов обмена сопровождалась углублением разделения труда. Экономический рынок порождал значительное неравенство в торговле, закреплял за одними активные сферы прогресса и оставлял другим второстепенные задачи. Вершину этой эволюции образовывали финансы [5, с. 370–372].

Рациональное разделение труда и специализация хозяйственной деятельности существовали только на нижних этажах иерархии торговой пирамиды, до уровня оптовой торговли. Унификация, соединение функций обеспечивались посредством накопления денежного капитала. Преимуществом развитого эклектичного, нераздельного капитализма было находиться в господствующих пунктах, обладать свободой выбора, быть неспециализированным и способным к адаптации [5, с. 374–376].

Размышления по поводу рациональности капитализма позволяли подкрепить аргументацию о противоположности рыночной экономики и капитализма. Внутри единой экономики существовало несколько рациональностей: одна из них – рациональность свободной конкуренции; другая – рациональность монополии, спекуляции и могущества. Защищая свой тезис о «внешнем характере» капитализма по отношению к конкурентной рыночной экономике, Ф. Бродель соглашался со словами В. И. Ленина [6, с. 386] о том, что монополия вырастает из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней и рядом с ней [5, с. 586–587].

По мнению ученого, было бы ошибкой воображать себе развитие капитализма в виде непрерывной смены последовательных стадий: торгового, промышленного, финансового капитализма. Крупные дельцы никогда не специализировались и одновременно или последовательно занимались промышленным производством, торговлей, биржевой спекуляцией, банковским делом, финансами. Спектр сосуществования нескольких форм капитализма – торгового, промышленного, банковского – развертывался уже в XIII в. во Флоренции. И современные капиталистические монополии – корпоративные структуры – «играют на любом столе»: на торговом, на промышленном (вкладывая капиталы в страны с низкой оплатой труда), на финансовом (занимаясь краткосрочными инвестициями свободных средств) [3, с. 641–642].

Иерархическая структура хозяйственного механизма (системы экономических регуляторов) взаимосвязана с иерархией секторов в многоукладной экономике. Ф. Бродель сосредоточивался на трехчастном делении в соответствии с названием научного труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм», выделял три взаимодействующих, но самостоятельных уклада («этажа») в иерархии экономической системы: 1) сектор неформальной экономики (материальная жизнь, структуры повседневности), 2) рыночный сектор экономики, 3) капиталистический сектор.

Однако капитализмом не исчерпывается иерархия национальной и мировой экономики. Верхний этаж принадлежит государству, ибо оно владеет самым мощным хозяйственным механизмом – финансовым, системой государственного бюджета. Рассмотрение социально-экономической иерархии подтверждает предположение о ее четвертом уровне в модели Ф. Броделя.

Общества с высокой плотностью населения не развивались как общество равных жителей, по горизонтали, а имели каркас, структуру иерархии. Изначально существовавшее нера-

венство закономерно разделяло массу людей в соответствии с размерами богатства и власти сверху донизу. Обычно на вершине пирамиды размещалась горстка привилегированных, на которой замыкался денежный поток, обращение товаров и услуг. Эта крохотная группка располагала властью, богатством, весомой долей прибавочного продукта, принимала решения, обеспечивавшие процесс капиталовложений и производства. Ниже привилегированных располагалось многоэтажное множество управляемых агентов экономики, разных тружеников, еще ниже – мир безработных, социальных отбросов [5, с. 464–469].

Важнейшая фигура в социально-экономической иерархии – «всепоглощающее государство», слияние всего, пучок функций различных видов власти. Узкая часть общества в рамках государственного аппарата обретала дополнительную силу и решала ряд задач государства. Во-первых, обладая монополией «легитимного насилия», она заставляла повиноваться себе и поддерживала социальную иерархию к выгоде немногочисленных привилегированных групп, сдерживала недовольство многочисленных слоев, возвращая их к исполнению долга, к труду. Во-вторых, государство контролировало на расстоянии экономическую жизнь, организовывало обращение богатств, присваивало часть национального дохода, обеспечивая свои расходы на роскошь, «администрацию», войну. Наконец, власти участвовали в духовной жизни, укрепляли общество, привлекая силу могущественных религиозных ценностей [5, с. 520–522, 559].

Несомненной заслугой Ф. Броделя следует признать раскрытие исторически объективного противоречивого взаимодействия государства с социально-экономическими структурами. Главный вектор политического и социально-экономического развития определяло противоречивое взаимодействие двух верхних этажей экономики: государства и капитализма.

В рамках рыночной экономики одновременно образовывались современное государство и капитализм. В их эволюциях было много совпадений. В обоих случаях утверждалась иерархическая структура. Как и капитализм, государство прибегало к монополиям ради обогащения, приспособляло традиционные политические конструкции, навязывая им свою власть, монету, налоги, правосудие, командный язык. Государство было сильнее общества, но не сильнее экономики [3, с. 495; 5, с. 525].

Теоретические модели экономики городов и механизмов хозяйственного регулирования предполагают переход от уровня националь-

ной экономики к иерархии международного разделения труда. Результативным вектором исследования, дающим приращение знаний, может быть применение концептуальной модели мира-экономики, разработанной Ф. Броделем в рамках миросистемного анализа, тем паче, что первыми мирами-экономиками средневековой Европы были итальянские города-государства: Венеция и Генуя.

Французский ученый определял понятие «мир-экономика» (*économie-monde*) в сопоставлении с более общим по смыслу термином мировой экономики, который охватывал всю землю, единый рынок всего мира. Мир-экономика, в понимании Ф. Броделя, затрагивал лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный, способный быть самодостаточным фрагмент планеты, органическое экономическое единство которого обеспечивалось внутренними связями и обменами и строилось сверху господствовавшими городами. Экономика такого комплекса не охватывала всей экономической жизни очерченной территории и зависевших от нее регионов, а была верхним слоем экономического пространства, и сила ее действия зависела от места приложения [3, с. 14].

Мир-экономика преодолевал политические и культурные границы, дробившие и дифференцировавшие его. Экономика, ворочавшая деньгами и обменами, вторгавшаяся повсюду, создавала иерархическое единство. Мир-экономика объединял и перегруппировывал совокупность индивидуализированных изолированных экономических и неэкономических пространств; он охватывал огромную площадь (самую обширную зону сплошности в данной части земного шара) [3, с. 16].

Пространство мира-экономики имело свою структуру и иерархическую организацию частных экономик. Одни были бедными, другие – скромными, и лишь единственная территория в центре мира-экономики была относительно богатой. Так, возникала разность потенциалов, появлялись разные виды неравенства, обеспечивавшие функционирование всей экономической системы, складывалось международное разделение труда в виде пространственной модели развития и отсталости, которая противопоставляет два лагеря человечества – имущих и неимущих [3, с. 18].

Описывая пространственные параметры своей модели мира-экономики, Ф. Бродель формулировал ее теоретико-методологические предпосылки в виде трех правил, выявлявших тенденцию. Во-первых, медленно варьировующие пределы пространства миров-экономик имели границы из малооживленных, инертных зон [3, с. 18–19].

Во-вторых, в центре мира-экономики располагался господствовавший капиталистический город, который был полюсом сосредоточения элементов деловой активности: людей, товаров, капиталов, информации, кредита, векселей, торговой корреспонденции. Города – компаньоны и соучастники – окружали такой полюс как перевалочные пункты на известном расстоянии. Господствующие города сменяли друг друга на всех уровнях иерархии, последовательно высвечивая варьировавшую ценность орудий господства: крупной торговли, кредита, мореплавания, промышленности, политического могущества и насилия [3, с. 21, 24, 28].

В-третьих, различные зоны мира-экономики были иерархизованы. Общая постановка проблемы конкретизировалась обращением к концепции И. Валлерстайна, согласно которой единое осевое разделение труда в мировом хозяйстве основано на поляризации свойственных центру и периферии видов экономической деятельности. Границам осевого разделения труда соответствуют границы межгосударственной системы, в которой формируются три структурные позиции – центр (ядро, сердцевина), полупериферия и периферия [7, с. 168].

Ф. Бродель писал, что мир-экономика есть становление, сочетание взаимосвязанных зон разных уровней. В пространстве обрисовываются три ареала: огромные внешние окраины, второстепенные сравнительно развитые области и узкий центр («сердце»). По мере перемещения из одной зоны в другую меняется характер экономики, техники, общества, политического порядка, культуры [3, с. 32]. Это объяснение весьма широкой значимости было предложено И. Валлерстайном [8].

Центр объединял все передовое и разнообразное. Следующая зона «блистательных вторых» обладала и пользовалась лишь частью подобных преимуществ. Громадная, редконаселенная периферия была архаичной, отсталой, легко эксплуатировалась другими. И сегодня такая дифференциальная география объясняет экономическую историю мира [3, с. 32].

Множество отсталых зон усеивало региональными малодоступными «пятнами» центральные области. Бесчисленные «ямы» нейтральных зон, лежавшие вне пределов времени мира, ниже рынка или на его окраине, пронизывали все передовые экономики. Цивилизация тысячами способов могла соблазнить регионы и проникнуть в них [3, с. 35–36].

Международное разделение труда было не плодом «естественно развивавшихся» призваний, а наследием, закреплением старинной

ситуации, медленно проявлявшейся в процессе истории. Разделение труда в мировом хозяйстве или в рамках мира-экономики не было согласованным договором равных партнеров и доступным для любого пересмотра. Оно устанавливалось постепенно, как цепь взаимных зависимостей. Древние реальности – неравный обмен и неравенство мира – созидали друг друга. Действовать в третичном секторе экономики было выгоднее, чем в первичном и вторичном секторе. Власть накапливалась, как и деньги. Прошлое всегда определяло настоящее. Неравенство мира обнаруживало медленно утверждающиеся и медленно исчезающие структурные реальности [3, с. 42–44].

Необычным было представление в виде соотношения «оболочки и инфраструктуры» иерархии мира-экономики, который образовывал громадную оболочку, объединял значительные силы, обеспечивал нормальное функционирование, хотя располагал плотностью и глубиной, мощностью и прикрытием лишь в центральной зоне и в близлежащих областях. Ф. Бродель удивлялся тому, что «небольшая по мощности машина» мира-экономики обеспечивала распространение хозяйственных ресурсов по поверхности земного шара и в глубину его центральной зоны, приводила в действие все механизмы в разделенных на несколько этажей центральных и периферийных районах [3, с. 37–38].

Социально-экономическая иерархия, пространственно обусловленная международным разделением труда, воплощалась в различных способах производства и эксплуатации труда, которые сменяли и дополняли друг друга. Возможности центра мира-экономики, возникавшие благодаря излишку людей, избытку сделок и монеты, отсутствовали на периферии. Центральные регионы вытягивали людей со своих окраин. Наблюдался исторический регресс при движении вниз по иерархии пунктов экономической «территории». Матрица мира-экономики объясняла сосуществование способов производства – от рабовладельческого до капитализма, который жил за счет своего окружения. Нынешняя экономическая система по-прежнему «вышивает свои узоры на канве структурных неравенств», созданных историческим отставанием [3, с. 59].

Иерархическая логика построения пространственно-временной организации и эволюции разделения труда в теоретической модели мира-экономики позволяла Ф. Броделю проводить историко-экономические исследования на длительном временном протяжении: из глубины веков до настоящего времени, выявляя закономерные повторения причинно-следственных связей в массивах фактов и множестве событий.

Верификацию своей научной концепции французский ученый осуществлял посредством сопоставления современной хозяйственной практики с опытом, запечатленным всемирной историей экономики. Актуально звучат его слова о том, что государство и капитал крупных фирм и монополий и ныне составляют «хорошую пару», и второй успешно выходит из затруднительных положений, оставляет государству малодоходные и дорогостоящие дела: коммуникации, дорожную инфраструктуру, армию, огромные затраты на научные исследования и образование, здравоохранение и социальное обеспечение. Капитал «беспардонно» живет за счет льгот и помощи государства, которое собирает и перераспределяет огромные денежные ресурсы, заключает займы. Вопреки мифу о предпринимательском призвании частного сектора, динамизму которого препятствует политика правительства, монополистический капитализм, противопоставляемый конкурентному сектору, процветает благодаря симбиозу с государством, распределяющим налоговые привилегии для активизации «священнейшего» инвестирования, богатейших заказов, открывающим внешние рынки. Рост государственного сектора способствует расширению частной индустрии, особенно монополизированных отраслей. Между формально обособленными властями – экономической и политической – наличествует густая сеть неформальных отношений. Согласие между капиталом и государством пронизывает столетия нового времени; и всегда, когда спотыкалось государство, ощущал удар капитализм [3, с. 644–645].

Достоинство уважения позиция историка-экономиста, заявлявшего, что в «многоэтажной» общественно-хозяйственной иерархии нижние этажи не менее значимы, чем господствующая над ними надстройка. Блистательный полемист Ф. Бродель обращался к своим научным оппонентам: «Не спешите утверждать, что капитализм есть совокупность общественного, что он охватывает наши общества в целом» [3, с. 651].

Под зоной капитализма существует плотная нижняя зона экономики, состоящая из независимых единиц. Маленькие предприятия неверно относить к категории «истинного капитализма» с точки зрения социальной структуры и руководства экономикой. Конкурентный сектор не охватывает всего того, что оставил в стороне капитализм. Сегодня, как в XVIII в., обширный первый этаж обеспечивает в индустриальных странах 30–40% деловой активности. Этот поражающий своим размахом объем образуют находящиеся вне рынка и контроля государства прямой обмен благ и услуг, семейная активность

в домашней экономике, работа «налево», контрабанда. И для настоящего времени модель трехчастного деления, экономики в несколько этажей остается матрицей наблюдения. Статистика, не учитывающая первого этажа наших обществ, представляет неполные данные. Это обязывает пересмотреть множество точек зрения, согласно которым капиталистическая система охватывает всю экономику сверху донизу. Напротив, живая диалектика капитализма противоречит находящимся ниже его некапиталистическим этажам экономики и общества [3, с. 651].

Исследование пространственно-временной динамики экономики не исчерпывается изучением первой ее составляющей при использовании времени «в качестве средства наблюдения». Теоретический анализ предполагает осмысление хронологической непрерывности исторического времени. Продолжая дискурс о членении истории по признаку иерархических структур в пространстве, Ф. Бродель разъяснил методологические основы понимания экономической истории «в ее хронологическом разворачивании и в разнообразных временных характеристиках» [3, с. 7].

Глубину и гибкость авторского подхода продемонстрировали рассуждения о многомерности пространственно-временных взаимодействий во «множестве потоков» всемирной экономической истории. Как правило, исследователи расчлняют время, чтобы упростить и организовать историю мира. Существуют временные характеристики длительной протяженности, медленные изменения конъюнктуры, сдвиги быстрые и мгновенные, причем кратковременные обнаруживаются легче. Это особое время эпох и мест воздействовало лишь на определенные пространства и реальности, не затрагивая иных времен и территорий. Зоны молчания и спокойного неведения, где мировая история не находила отклика, имелись повсюду. Время мира определяло не все даже в передовых странах [3, с. 8–9].

Проблема изучения и градации временных интервалов рассматривалась в рамках концептуальной модели мира-экономики, где наряду с иерархически организованным пространством в виде территориальных образований и пространственно обусловленных экономических форм, институтов и процессов хозяйственной деятельности исследовалась иерархия хронологически упорядоченных временных параметров.

Теоретико-методологические соображения конкретизировались в прикладном исследовании истории европейского мира-экономики. Ф. Бродель полемизировал: «...европейский мир-экономика зародился очень рано, и меня не за гипнотизировал, как Иммануэля Валлерстайна,

XVI в. <...> Я согласен с Марксом, писавшим (и впоследствии об этом сожалевшим), что европейский капитализм ... зародился в Италии XIII в.» [3, с. 51].

Французский историк-экономист уточнял, что И. Валлерстайн объяснял мир-экономику как наиболее протяженную, но остававшуюся связанной единицу измерения. Кроме разделения в пространстве нужна и временная единица отсчета. Ибо в европейском пространстве сменилось несколько миров-экономик, или, точнее, после XIII в. европейский мир-экономика несколько раз менял форму, перемещал свой центр, пересматривал периферийные области. Необходимо определить самую продолжительную временную единицу отсчета для мира-экономики, которая сохраняла бы связанность, несмотря на многочисленные, порожденные длительным временем изменения. Без связности нет меры и пространства, и времени [3, с. 65]. Изложенные суждения следует интерпретировать как констатацию пространственно-временной динамики международного разделения труда.

Время в модели мира-экономики иерархически структурировано хронологией периодов разной продолжительности. Ф. Бродель ввел в научный оборот оригинальное понятие «длительная временная протяженность». По мнению ученого, материальная жизнь предстает в виде тысяч различных фактов – «исторической пыли», микроистории. Мелкие факты утверждаются как последовательная реальность при бесконечном повторении, свидетельствуя о других тысячах фактов, которые делятся, пронизывая молчаливую толщу времени. Такие последовательности, «ряды», «факты длительной временной протяженности (*longues durées*)» привлекают внимание: они рисуют линии, идущие к горизонту, и самый горизонт картин минувшего. Они вносят туда порядок, предлагают некое равновесие, вскрывают постоянные свойства, объясняют кажущийся беспорядок [4, с. 594].

Определяя европейский мир-экономику как капиталистическую социально-экономическую систему и структуру длительной временной протяженности (*longue durée*), Ф. Бродель пояснял, что перспектива в несколько веков не означает неподвижной реальности. Длительная временная протяженность – это последовательность возобновляющихся движений с вариациями и возвратными движениями, с ухудшениями, приспособлениями, стагнациями, реструктурированием и даже крупными разрывами. Но в ходе великого изменения капитализм в основном оставался самим собой, сохранялся посредством самого изменения [3, с. 641].

Для решения проблемы хронологической иерархии в модели мира-экономики использовалась методология теории хозяйственной конъюнктуры, с расширяющимися границы ее применения допущениями. Французский исследователь писал о возобновляющихся периодических социальных движениях, о существовании конъюнктур, затрагивающих экономику, политику, демографию и прочие общественные сферы [3, с. 66].

Периодические колебания экономической конъюнктуры – модели циклической динамики Китчина, Жюглара, Кузнеца, Кондратьева – охватывали хронологические интервалы от нескольких лет до столетия, недостаточные для объяснения истории смены миров-экономик. Поэтому историк-экономист предложил модель вековой тенденции (trend), тренда продолжительностью более столетия. Все перечисленные циклы были синхронны: они сосуществовали, смешивались, добавляли свои движения к колебаниям целого или отделялись от него [3, с. 67].

Ф. Бродель, дополнив общепринятую хронологическую иерархию экономических циклов вековой тенденцией (вековым циклом), сформулировал проблему теоретико-методологического обоснования и разработки модели экономического цикла длительной временной протяженности. Авторское описание модели векового цикла состояло из ряда исторических констатаций и интерпретаций, а также постановки проблемных вопросов.

Ученый-историк указывал, что малозаметная вековая тенденция есть процесс кумулятивный. Она добавляется к самой себе, повышает массу цен и экономической активности до определенного предела или действует в противоположном направлении; ее ежегодное влияние едва ощутимо, но при смене столетий она оказывается важным действующим лицом. Если измерить вековую тенденцию и наложить ее на европейскую историю (как Валлерстайн наложил на нее пространственную схему мира-экономики), то можно изыскать объяснения экономических потоков [3, с. 72].

В теоретическом моделировании вековой тенденции Ф. Бродель показал ее взаимодействие с циклами Кондратьева, особо значимыми в иерархии экономических циклов. Вековая тенденция несет на своем гребне движения, не обладающие ее долговечностью и выносливостью, но их всплески легко увидеть. Исключение составляют «респектабельные» циклы Кондратьева, охватывающие полвека, – время деятельности одного поколения при хорошей конъюнктуре, а другого – при плохой. Если сложить вековую тенденцию и цикл Кондратьева, то «музыка» долгосрочной конъюнктуры зазвучит на два голоса. Циклы Кондратьева, добавляясь к подъему или спаду, усиливали или смягчали вековую тенденцию [3, с. 76].

Определение исходной точки, вершины и конечной точки векового цикла приблизительно из-за плавных очертаний его кривой. В истории Европы различают четыре последовательных вековых цикла 1250 [1350] – 1507–1510 гг.; 1507–1510 [1650] – 1733–1734 гг.; 1733–1743 [1817] – 1896; 1896 [1974?]. Первая и последняя даты циклов означают начало подъема и окончание спада. Указанная в квадратных скобках промежуточная дата фиксирует точку кризиса, кульминационный момент, когда вековая тенденция начинает обратное движение. Выделив четыре вершины вековых циклов (переломные точки, поворотные пункты) – 1350, 1650, 1817 и 1973–1974 гг., французский историк высказал спорное и неоднозначное суждение о тенденции к сокращению продолжительности этих циклов [3, с. 73].

В качестве перспективной рабочей гипотезы, уточняющей датировку вековых тенденций Ф. Броделя, можно высказать аргументированное предположение о том, что имел место еще один переломный пункт на стыке двух циклов в хронологическом интервале 1500–1520 гг.

Фиксируемые переломные пункты вековых циклов не случайно встречаются в периодизациях ученых и соответствуют знаменательным историческим разрывам [3, с. 74]. Ф. Бродель так датировал хронологические рамки господства европейских миров-экономик: век Венеции – 1250 (1378)–1498 гг. (248, 120 лет); век Антверпена (век Фуггеров) – 1500–1569 гг. (70 лет); век Генуи – 1557–1627 гг. (70 лет); век Амстердама – 1628–1783 (1773) гг. (145, 155 лет); век Англии – 1780 (1785)–1929 гг. (141, 149 лет) [3, с. 146, 155, 172, 270, 275, 384]. Если сложить вместе два периода – век Антверпена и век Генуи, – то получится вековой цикл (1500–1627 гг.) продолжительностью 128 лет с исходной (переломной) точкой на стыке с предыдущим веком Венеции в 1498–1500 гг.

Экономисты и историки, по словам Ф. Броделя, лишь констатировали циклические движения долговременной конъюнктуры, описывали взаимные наложения циклов, но не пробовали объяснить их возникновение, развитие и регулярное возобновление. Кроме периодических существовали и «прочие» циклы; не только те, которые определялись колебаниями цен, но и те, что относились к промышленному производству, или цикл бразильского золота в XVIII в., или двухсотлетний цикл мексиканского серебра (1696–1900 гг.). Долговременные движения населения соответствовали колебаниям векового цикла и были его следствиями и причинами [3, с. 77–78]. «Нестандартные», нерегулярные экономические циклы характеризовали развитие отдельных стран, отраслей и сфер хозяйства.

Действие экономических циклов Ф. Бродель объяснял сочетанием двух условий: внешнего толчка (экзогенной причины) и среды распространения внешнего импульса. Такой методологический подход позволяет исследовать пространственно-временную динамику мира-экономики, изучать структуру пространства, колеблющуюся во времени. Среда, в которой внешний толчок осуществлялся и распространялся, навязывала свою периодичность колебаний конъюнктуры. Колебания цен были связаны с той площадью или с тем объемом, каких они касались. Под воздействием цен колебались предварительно сложившиеся сети, образовывавшие вибрирующие поверхности, структуры цен. Колеблющаяся поверхность самых больших размеров – мир-экономика – воспринимала конъюнктуру, формировала ее на определенной глубине, на определенном уровне, создавала единство цен на огромных пространствах. Вековое колебание открывало и прерывало сложные потоки конъюнктуры на громадной, но ограниченной площади мира-экономики [3, с. 78–79].

Модель вековой тенденции позволяла хронологически разместить и понять миры-экономики на протяжении их длительной истории, выделить из «матрешечно» организованной хронологической иерархии экономических циклов долгосрочные колебания конъюнктуры при изучении всей полноты разновидностей циклических колебаний экономики [3, с. 65].

По мнению Ф. Броделя, конъюнктуру следует изучать во всей ее глубине, искать ее границы в событийных проявлениях, краткосрочных циклах и в долговременной протяженности, в вековых движениях. Краткое время и время длительное сосуществуют нераздельно. «Мы в одно и то же время живем и в кратком времени, и в длительном времени. Язык, на котором я говорю, ремесло, которым занимаюсь, верования, окружающую меня людскую среду – все это я унаследовал; оно существовало до меня и будет существовать после меня». Время, «если и не создает свое содержание, то воздействует на него, придает ему форму и реальность» [3, с. 80–81]. Таким образом, время наполняет пространство событиями и содержанием.

Заключение

Научно-критический обзор методологии пространственно-временного анализа в историко-экономических исследованиях Ф. Броделя предполагает соответствующие теоретические обоснования.

Формирование экономики городов свидетельствовало, что урбанизация – важнейшее условие

пространственной (точечной и поверхностной) организации и эволюции системы разделения труда. Теоретические модели развития экономики города описывают иерархическую систему населенных пунктов, обусловленную политико-административными и социально-хозяйственными факторами, пространственную иерархию сфер разделения труда, механизмов хозяйственного регулирования и макроэкономических субъектов. Максимальная концентрация экономической деятельности на ограниченном пространстве достигается в крупнейших городах международного и национального уровня, которые определяют экономико-географические и макроэкономические пропорции пространственно-хозяйственной динамики. Иерархия национальной и мировой экономики обуславливается иерархией городов.

Методология миросистемного анализа позволяет исследовать пространственно-временное оформление и структуру разделения труда, осевое центр-периферийное взаимодействие экономик государств различных уровней иерархии в международном разделении труда, иерархию механизмов хозяйственного регулирования, иерархию секторов и отраслей экономики, иерархию макроэкономических субъектов. Пространственная организация экономики служит «вместилищем» всех перечисленных выше иерархий сфер разделения труда и множества социальных структур.

Миросистемная модель характеризует пространственную динамику всего спектра сфер международного разделения труда в виде многослойного, пространственно организованного (оформленного) процесса, обладающего специфической хронологической упорядоченностью своей эволюции.

В рамках концепции миросистемного анализа иерархически организованному пространству в виде территориальных образований и пространственно обусловленных экономических форм, институтов и хозяйственных процессов соответствует иерархия хронологически упорядоченных временных характеристик – циклов. Изложенные суждения допустимо интерпретировать как констатацию пространственно-временной динамики разделения труда. Такой подход позволяет показать структуру пространства, которая колеблется во времени.

Действие экономических циклов объясняется сочетанием внешнего толчка (экзогенной причины) и среды (пространства) распространения внешнего импульса. Под воздействием изменений конъюнктуры колеблются предварительно сложившиеся сети экономических отношений

хозяйствующих субъектов, образующие вибрирующие поверхности, структуры экономических параметров. Мир-экономика – это структура, колеблющаяся поверхность самых больших размеров, создающая единство многоуровневой конъюнктуры на огромных пространствах.

На основе введения в миросистемный анализ оригинального научного понятия вековой тенденции – модели экономического цикла длительной временной протяженности – Ф. Бродель представил время в виде иерархически структурированной хронологии периодов (отрезков, циклов) разной продолжительности, в том числе «нестандартных», нерегулярных долгосрочных экономических циклов развития отдельных стран, отраслей и сфер хозяйства.

Теоретико-методологические предпосылки моделей циклической хронологически-территориальной экономической динамики позволяют исследовать действие многослойной иерархии экономических циклов на многослойном экономическом пространстве, причем циклическая динамика может и не охватывать все социальные слои и иерархические структуры экономических систем.

Образец для цитирования:

Черемисинов Г. А., Фенин К. В. Методология пространственно-временного анализа в историко-экономических исследованиях Фернана Броделя // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-4-15>

The Methodology of Spatial-Temporal Analysis in Fernand Braudel's Historical and Economic Research

G. A. Cheremisinov, C. V. Fenin

Georgy A. Cheremisinov, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, cheremisinov@inbox.ru

Cyril V. Fenin, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, fenin.kir@yandex.ru

Introduction. In this article, the advisability and productivity of the interdisciplinary synthesis of history and geography in fundamental and applied research of spatial and temporal parameters of economic development are discussed. The peculiarities of Fernand Braudel's historical and economic views are explained. **Theoretical and methodological analysis.** The peculiarities of a multi-level, hierarchically organized economic space analysis is revealed through the study of the urban economy, the subordination of the economic mechanisms' system elements, socio-economic structures in the microsystem model of the international labor division. The demonstration of economic space importance takes place in the analysis of its participation in the formation of regular and irregular economic

Список литературы

1. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 3 ч. Ч. 1. Роль среды. М., 2002. 496 с.
2. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 3 ч. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003. 808 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992. 678 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности : возможное и невозможное. М., 1986. 632 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. 624 с.
6. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 27. М., 1977. С. 299–426.
7. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. 416 с.
8. Валлерстайн И. Мир-система Модерна : в 4 т. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М., 2015. 552 с.

cycles. **Conclusion.** The methodology of spatial-temporal analysis makes it possible to explore the labor division dynamics and the hierarchy of economic regulation mechanisms, sectors, industries, macroeconomic subjects. The hierarchy of chronologically ordered time characteristics (economic cycles) in the concept of the world-system model corresponds to a hierarchically organized space that exists in the form of territorial entities and spatially determined economic forms, institutions and economic processes.

Keywords: spatial-temporal dynamics of the economy, world-system analysis of Fernand Braudel, economic cycles.

References

1. Braudel F. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II: v 3 ch. Ch. 1. Rol' sredy* [La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II: in 3 pts. Pt. 1. La part du milieu]. Moscow, 2002. 496 p. (in Russian).
2. Braudel F. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II: v 3 ch. Ch. 2. Kollektivnye sud'by i universal'nye sdvigi* [La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II: in 3 pts. Pt. 2. Destins collectifs et mouvements d'ensemble]. Moscow, 2003. 808 p. (in Russian).

3. Braudel F. *Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t. T. 3. Vremia mira* [Civilisation Matérielle, Économie et Capitalisme, XV–XVIIIth centuries: in 3 vols. Vol. 3. Le Temps du Monde]. Moscow, 1992. 680 p. (in Russian).
4. Braudel F. *Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilisation Matérielle, Économie et Capitalisme, XV–XVIIIth centuries: in 3 vols. Vol. 1. Les structures du quotidien]. Moscow, 1986. 624 p. (in Russian).
5. Braudel F. *Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t. T. 2. Igry obmena* [Civilisation Matérielle, Économie et Capitalisme, XV–XVIIIth centuries: in 3 vols. Vol. 2. Les jeux de l'échange]. Moscow, 1986. 624 p. (in Russian).
6. Lenin V. I. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 27* [Complete Works: in 55 vols.]. Vol. 27. Moscow, 1977, pp. 299–426 (in Russian).
7. Wallerstein I. *Analiz mirovykh system i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World]. Saint Petersburg, 2001. 416 p. (in Russian).
8. Wallerstein I. *Mir-sistema Moderna: v 4 t. T. 1. Kapitalisticheskoe sel'skoe khoziaystvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System 1. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century]. Moscow, 2015. 552 p. (in Russian).

Cite this article as:

Cheremisinov G. A., Fenin C. V. The Methodology of Spatial-Temporal Analysis in Fernand Braudel's Historical and Economic Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 4–15 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-1-4-15>
